

УДК 32.001(1–32)

UDC 32.001(1–32)

**КОНЦЕПТЫ РЕГИОНАЛИЗМА
И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ****CONCEPTS OF REGIONALISM
AND REGIONALIZATION
IN POLITICAL THEORY**

Д. В. Белявцева,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии БГУ

D. Bialiautsava,
PhD in Political Science, Associate Professor
of the Department of Political Science, BSU

Поступила в редакцию 26.04.18.

Received on 26.04.18.

В статье рассматривается эволюция содержания концептов регионализма и регионализации в политической теории. Исследуются теории федерализма, многоуровневого управления, государственного строительства, государственного управления, проблематика моделей демократии, децентрализации и региональной автономии. Выделяются методологические подходы, применяемые для анализа концептов. Делается вывод о том, что содержание регионализма эволюционирует от трактовки его как естественного разнообразия, способа самоструктурирования политического пространства до стратегии региональных элит, направленной на расширение своих полномочий. Концепт регионализации в современной политической теории отражает процессы создания новых институциональных форм и практик, позволяющих регионам развивать местное самоуправление и осуществлять общественное управление. Модели демократии различаются уровнем региональной автономии и измеряются индексом децентрализации. Показателями индекса являются политическая, институциональная и финансовая децентрализация.

Ключевые слова: регионализм, регионализация, политическая теория, региональные политические исследования, федерализм, многоуровневое управление, региональная автономия.

The article deals with the evolution of the content of the concepts of regionalism and regionalization in political theory. The theories of federalism, multilevel governance, state-building, public administration, problems of democracy models, decentralization and regional autonomy are studied. Methodological approaches used for the analysis of concepts are highlighted. It is concluded that the content of regionalism evolves from its interpretation as a natural diversity, a way of self-structuring the political space to a strategy of regional elites aimed at expanding their powers. The concept of regionalization in modern political theory reflects the processes of creating new institutional forms and practices that allow regions to develop local self-government and public administration. Democracy models differ in the level of regional autonomy and are measured by the decentralization index. The indicators of the index are political, institutional and financial decentralization.

Keywords: regionalism, regionalization, political theory, regional political studies, federalism, multilevel management, regional autonomy.

Введение. Проблематика регионализма и регионализации в последнее время занимает прочное место в научных исследованиях. Процессы структурирования пространства исследуются в рамках экономической и политической географии, региональной экономики, геополитики и международных отношений. В европейских и американских политических исследованиях устойчивый интерес к проблематике регионализма и регионализации формируется с середины XX в. и сохраняет высокий уровень до сих пор. Он становится проекцией проблем, связанных с управлением полити-

ческим пространством как отдельных государств, так и геополитических образований и союзов, и обнаруживает себя в рамках многих научных направлений.

На постсоветском пространстве, в том числе и в Республике Беларусь, актуализация проблематики прослеживается с 90-х гг. XX в. (И. Бусыгина, В. Ватыль, В. Гельман, Р. Есин, А. Круглашов, А. Макарычев, Б. Манак, Т. Панченко, Р. Туровский, И. Суздалева, В. Фатеев, В. Шинкарев и др.). С точки зрения политической регионалистики интерес представляют исследования, относящиеся к изучению внутренних регионов, их взаимо-

отношений с центром, обеспечению вертикального взаимодействия и горизонтального межрегионального сотрудничества, развитию процессов управления и самоуправления территориями, децентрализации и деконцентрации, становлению и укреплению новых институциональных форм, характеризующих политическую и экономическую мобильность локальных образований и др. В данном исследовании мы определим основные научные направления, теории и методологические подходы политической науки, раскрывающие проблематику регионализма и регионализации, проанализируем эволюцию концептов и определим их содержание.

Основная часть. Предметное поле политической регионалистики, обозначенное выше, позволяет утверждать, что проблематика регионализма и регионализации присутствует в следующих научных изысканиях: исследования федерализма и многоуровневого управления, кросснациональный анализ государственного строительства, администрирования и государственного управления, моделей демократии, уровня децентрализации и региональной автономии [1, с. 34–36]. Определим сущность и содержание концептов регионализма и регионализации в рамках заявленных направлений.

Теории федерализма и многоуровневого управления представлены как в классических концепциях, так и в трудах современных авторов, в частности Д. Дж. Элейзера, Л. Хуге, М. Китинга, Дж. Лафлин, Х. М. Магона, Г. Маркса, Ф. Палермо, С. Палорали и др. Предмет исследования данной статьи рассматривается в указанных теориях в рамках процессов вертикального перераспределения полномочий между различными слоями правительства.

В теории федерализма, представленной американскими авторами, доминирующим является институциональный, правовой подход и тезис о федеративной структуре как совокупности равноправных уровней власти (центральной и региональной). Федерализм понимается как институциональная структура, а не идеологический принцип. Анализ институциональной структуры осуществляется с применением структурно-функционального и системного подходов к пониманию федерализма и позволяет выделить его теоретические модели. Например, в классической

концепции дуалистического федерализма (А. Гамильтон, Д. Мэдисон) основным принципом взаимоотношений между уровнями власти является автономия центральных и региональных властей, наличие у них собственных полномочий и компетенций и невозможность вмешательства в дела друг друга. Автономия слоев управления является следствием того, что каждый из них имеет свои источники легитимации власти. Таким образом, регионализм предстает как естественное разнообразие общества, выразившееся в способе организации органов власти и его нормативном оформлении, а регионализация как процесс самоструктурирования общества.

Закрепление важности институционального оформления регионализма произошло в рамках теории прав штатов. Ее авторы Т. Джефферсон и Д. К. Кэлхун не только высказывали мысль о невозможности вторжения центра в дела штатов, но говорили о необходимости делегирования значительной части полномочий на региональный уровень, вплоть до ратификации федеральных законов. Это позволяет говорить о понимании регионализации как процесса перераспределения властных полномочий от центра к регионам.

Основные принципы дуалистического федерализма и теории прав штатов были пересмотрены в середине XX в. в рамках концепции кооперативного федерализма (Дж. Кларк, Ф. Бейн, А. Бромидж, Дж. Маклейн, Т. Дай, Э. Коруин). В рамках данной концепции организация органов власти представляла собой двухуровневую структуру. Каждый уровень обладал полномочиями по отношению к региону и осуществлял их, автономно сотрудничая и соперничая с другим уровнем. Иными словами, создаваемая институциональная среда исключала прямую иерархию и подчинение. Более того, она основывалась на принципе субсидиарности. Каждый уровень управления имел свою сферу ответственности, объем полномочий. В зоне общей компетенции принятие решений основывалось на согласительных процедурах, переговорах и консенсусе. Таким образом, актуализировался такой аспект регионализма и регионализации как политическая и экономическая мобильность регионов и участие региональных элит в принятии политических решений.

Обозначенные в концепции кооперативного федерализма принципы сосуществования уровней власти, тем не менее, не способствовали развитию соперничества и привели к появлению в 1970–80-е гг. концепций конкурентного федерализма (А. Бертон). Конкурентный федерализм исходил из тезиса о том, что: политическая автономия каждого уровня власти приводит к конкуренции за ресурсы и борьбе за определение «правил игры». Основным назначением федеративной системы устройства с очевидностью становится разработка правил конкуренции между уровнями власти, которые позволяли бы системе развиваться как экономически, так и политически. Таким образом, появляется понимание регионализма как стратегии региональных элит, направленной на расширение своих прав через создание новых практик и их институциональное оформление. Идеи конкурентного федерализма приобрели популярность и на постсоветском пространстве. В 90-е гг. XX в. они нашли отражение в российских исследованиях.

Экономический кризис 70–80-х гг. XX в. способствовал появлению новых форм государственного строительства и их теоретическому оформлению. На смену концепции конкурентного федерализма пришел «новый федерализм» и неоинституционализм. Практическое воплощение он получил в политике Р. Рейгана. Наиболее известным теоретиком стал Д. Дж. Элейзер. Характеризуя регионализм и процессы регионализации, представители «нового федерализма» подчеркивали необходимость развития доверия к местным властям. Реализовать это предлагалось через уменьшение вмешательства федерального центра в дела штатов и постепенную передачу на региональный уровень полномочий по финансированию государственных социально-экономических программ, формированию и контролю за бюджетами. Д. Дж. Элейзер рассматривал федеральную систему как основанную на принципах договора и устроенную не на основе модели центр – периферия и иерархических отношениях. Все структуры, входящие в систему, большие и маленькие, являются равными и способными к трансформации в соответствии с вызовами внешней среды. Модель пирамиды, по мнению автора, соответствует строго централизованному унитарному обществу, модель центр – пери-

ферия – федерации строго централизованного типа [2, с.112].

В рамках «нового федерализма» правовой, институциональный подход был дополнен идеологическим, ценностным подходом (В. Остром). В основе подлинно федеральных отношений лежит регионализм, понимаемый как естественное разнообразие, само структурирование общества. Как подчеркивал Д. Дж. Элейзер, составные части, на которые делится территория политического сообщества, не обязательно должны быть полностью равными: они могут весьма сильно различаться между собой при условии, что ни одна из этих частей не будет столь обширной или доминирующей, чтобы это угрожало бы (или создавало впечатление, что угрожает) единству или полномочиям остальных. Перспективу в современных условиях имеют только федеративные отношения, развивающиеся за счет движения снизу через утверждение территориальных консорциативных институтов [2, с.112]. Таким образом, регионализм выступал и как стратегия элит, направленная на расширение своих полномочий путем установления новых институциональных форм, а регионализация как процесс перераспределения полномочий через создание и развитие новых институтов, способных реагировать на внешние вызовы.

В соответствии с идеологическим подходом представители «нового федерализма» подчеркивали, что для регионализации важно наличие определенной или нейтральной политической культуры, способной принять композиционно-институциональные механизмы и отношения и сделать их дееспособными. Угрозу регионализации и регионализму несут радикализм, тоталитаризм, технократизм и этнический национализм. Радикализм не допускает отклонения от установленной нормы, тоталитаризм не принимает идею разделения властей, технократизм нацелен на поддержание жесткой иерархичности, а этнический национализм может способствовать трансформации естественного регионализма под влиянием стратегии маргинальных элит в сепаратизм [2, с. 113–115]. Иными словами, в рамках «нового федерализма» были рассмотрены факторы, способствующие трансформации регионализма в сепаратизм и осуществлению регионализации,

понимаемой как создание и развитие новых институциональных форм взаимоотношений между центральными и региональными слоями правительства.

Концепция Д. Дж. Элейзера была доработана в рамках «технократического федерализма», который предусматривал объединение федеральной и региональной власти, обладающих полномочиями в рамках родственных сфер в одну структуру. Закрытость элиты предлагалось устранять через усиление контроля как взаимного, так и со стороны общества через развитие новых институциональных практик.

Наделение региона правосубъектностью стало одним из важнейших тезисов европейских федералистов. В частности, А. Марк, Ф. Кински, Г. Эро высказывались за демополизацию государства и предоставление регионам максимально возможных полномочий. Регионализм в этой связи выглядит как индикатор дефицита легитимности государства, обострившегося из-за чрезмерной централизации.

Концепты регионализма и регионализации, понимаемые как формирование институциональной среды и развитие механизмов, процедур и практик, представлены и в рамках теории многоуровневого управления в европейских исследованиях о взаимодействии различных уровней власти по решению наиболее значимых проблем общественной политики – обеспечению фундаментальных прав, социальному обеспечению и развитию здравоохранения, охране окружающей среды, миграционной и внешней политики [3: 4].

Проблематику строительства единой Европы, распределения полномочий между уровнями власти активно разрабатывали Д. Митрани, Э. Хаас, М. Китинг, К. Дуве, Г. Маркс, Л. Хуге и др. Доминирующими подходами стали идеи о важности участия регионов в процессе принятия политических решений. Регионализм воспринимался не только как естественный феномен, но и как стремление местных и региональных элит к интеграции, а регионализация как изменение взаимоотношений между различными уровнями власти и снятие чрезмерной нагрузки на центральные институты и инструмент стабилизации политического развития.

Представители теории многоуровневого управления Г. Маркс и Л. Хуге отмечают, что

изучение регионализма кроме федерализма, сравнительных исследований государственного строительства и институционального / неоинституционального подхода формировалось в рамках функционализма / неофункционализма. Федерализм подразумевает распределение властных полномочий между ограниченным числом юрисдикций на ограниченном числе уровней. Юрисдикции при данном подходе относительно стабильны, как правило, обладают широкими полномочиями и в большинстве случаев не пересекаются. В рамках функционального / неофункционального подхода современное общество представляет собой сложную, подвижную, состоящую из колоссального количества пересекающихся и накладывающихся друг на друга юрисдикций систему, в которой юрисдикции обладают взаимозаменяемыми компетенциями и, как правило, являются весьма гибкими и незначительными [5]. Регионализация в связи с этим может пониматься как интенсификация взаимодействий между различными субъектами.

Необходимо подчеркнуть, что регион как субъект отношений с точки зрения функционализма и неофункционализма может быть сформирован не только по территориальному принципу, а регионализация предстает как создание субъектов политического процесса, наделенных любой юрисдикцией, понимаемой как «совокупность правомочий определенных властных органов, касающихся выполнения неких общественно значимых функций и предоставления доступа к принятию соответствующих решений определенным, заинтересованным в этом акторам» [6, с. 7].

В рамках теории многоуровневого управления политические уровни пересекаются. Субнациональные акторы действуют как на национальном, так и на наднациональном уровне, а национальные правительства не регулируют взаимодействия между местными и наднациональными акторами [7, р. 3–4]. Европейские исследователи отмечают, что развитие политического регионализма – это способ стратификации пространства, нацеленный на сглаживание контрастов между центром и регионами. Иными словами, возможно переформатирование политического пространства и появление новых институциональных практик и нескольких поляризованных центров власти. Регионализация

в связи с этим может пониматься как интенсификация взаимодействий между различными субъектами, а регионализм как взаимодействие государственных акторов по управлению процессами регионализации [6, с. 10].

В исследовании систем администрирования и государственного управления территориями существенный вклад внес французский автор Ж. Ведель. Взаимодействие центральных органов государственного управления и регионов описывается им с помощью понятий децентрализация и деконцентрация. Деконцентрация чаще всего предполагает лишь делегирование административного контроля на нижестоящие уровни системы управления. Децентрализация имеет отличия и «заключается в передаче властных полномочий не государственным служащим и органам, представляющим центральную власть, а иным органам, не находящимся в иерархическом подчинении последней, большей частью – избираемым населением» [8, с. 392]. Французский исследователь был сторонником децентрализации в управлении территориями, поскольку такая модель является более эффективной. Децентрализация ведет к формированию нескольких центров власти и развитию местного самоуправления, а также демократизации государства. Таким образом, регионализация рассматривается через понятия децентрализация, деконцентрация, а также местное самоуправление. В частности, во французском политико-правовом дискурсе понятие «децентрализация» используется в отношении местного самоуправления.

Проблематика регионализации и регионализма в рамках теорий администрирования и государственного управления на основе системного и структурно-функционального подхода активно разрабатывается такими авторами, как Г. Балдершейм, М. Иллнер, С. Гроге, Н. Керстинг, Р. Е. Никсон, С. Кульман, Г. Вольман, В. Попа, И. Мунтяну и др. Регионализация понимается как последовательный процесс становления оптимальной и эффективной системы местного самоуправления. основополагающая цель в частности сформулирована в Европейской хартии местного самоуправления, принятой в 1985 г. Регион признается первостепенной единицей политического взаимодействия, важнейшим уровнем управления.

Применение системного, структурно-функционального и сравнительного анализа при изучении местной власти и местного самоуправления позволило выделить модели, которые становятся наиболее типичными для Европы и стран бывшего СССР [9; 10]. Например, на бывшем постсоветском пространстве распространено три типа децентрализации управления территориями и модели регионализации: формально децентрализованные системы (регионы обладают выраженной территориальной автономией и законным правом принимать решения по отношению к местному сообществу); модель с высокой степенью автономии регионов и сохранением зависимости от государства, которое делегирует либо полномочия местным органам либо официальным лицам, осуществляющим функции управления; централизованная модель с жесткой системой иерархии и подчинением центру [9, с. 21–50].

Очевидно, что процессы усиления значимости региона как субъекта политических отношений способствовали активизации изучения организационных структур центрального и местного управления, анализа систем межрегиональных связей, политической культуры и традиций в области государственного управления и местного самоуправления. Регионализм в данном контексте предстает как фактор трансформации системы управления, а регионализация как создание наиболее эффективной системы администрирования.

Важнейшими показателями регионализации и трансформации государства-нации с точки зрения институционализма / неинституционализма и функционализма / нефункционализма являются формальные и неформальные практики на местах. В частности, это констатируют авторы масштабного исследования субнациональных демократий в 15 странах ЕС и «Оксфордского справочника по местной и региональной демократии в ЕС» [11; 12]. Сторонники теории демократии считают пространственную децентрализацию политического волеизъявления и уровней принятия политических решений важным показателем демократизации общества. Рекоммунизация или регионализация политики трактуется ими как сопротивление унифицированным и унитарным структурам норм и решений и свидетель-

ствуется о необходимости изменения системы ценностей.

Необходимо также подчеркнуть, что децентрализация не сводится к созданию и развитию местного самоуправления. Это не идентичные понятия. Существует множество моделей местного самоуправления и не все они имеют своим следствием демократизацию общества. Регионализация, отражающая новую роль регионов в процессе принятия решений на национальном и наднациональном уровне, основана на регионализме, который включает движение элит «снизу» за расширение своих полномочий и прав.

Прикладным направлением исследований, в рамках которого уточняются концепты регионализма и регионализации, являются работы по выделению показателей регионализации и индекса регионализма. Концепты регионализма и регионализации рассматриваются через понятия децентрализации и региональной автономии. Автор теории многосоставного общества А. Лейпхарт для измерения уровня демократизации общества ввел понятие «индекс федерализма». Оно отражает уровень децентрализации государства. Наименьшим данный показатель является, по мнению автора, в унитарных государствах, а наибольшим – у стабильных федеративных государств [13]. Следует отметить, что разработанная А. Лейпхартом шкала носила упрощенный характер, не учитывала многообразие децентрализованных государств.

Сегодня показатели регионализации исследуются не только через территориальное разделение принимаемых государственных решений и их реализацию на разных уровнях власти [14], но и финансовую, институциональную и политическую децентрализацию [15–17]. Например, на основе анализа 166 стран мира Д. Трейсман сформулировал типологию децентрализации, которая включает вертикальную, демократическую, административную, избирательную, бюджетную и кадровую [18]. Все разновидности децентрализации взаимосвязаны между собой. На тип децентрализации влияет размер страны, этнолингвистические разделы, наличие колониальной истории, экономическое развитие и уровень демократии [18; 19]. Индекс децентрализации (регионализации) предлагается определять с помощью следующих групп показателей: самоуправление и обще-

ственное управление. Самоуправление измеряется через выявление институциональной глубины, объема полномочий, финансовой автономии и представительства регионов. Общественное управление – через участие региона в законотворчестве, исполнительной власти, финансовом контроле и конституционной реформе [20]. Многие авторы отмечают, что наиболее значимый показатель для определения уровня регионализации – это доля расходов региональных властей (subnational share in total government expenditure), который используется Международным валютным фондом [21]. Такая позиция основывается на признании зависимости между финансовой и политической децентрализацией.

Заключение. Содержание концептов регионализма и регионализации раскрывается в рамках теории федерализма, многоуровневого управления, администрирования и государственного управления, демократии на основе применения институционализма / неинституционализма, функционализма / неофункционализма, системного, структурно-функционального анализа, правового и ценностного подходов. Анализ указанных теорий позволяет утверждать, что регионализм, понимаемый как естественный феномен, способ самоструктурирования политического пространства, характерен для классических теорий федерализма. Развитие современных форм взаимодействия между различными слоями правительства свидетельствует о трансформации концепта регионализма. Его сутью в рамках неоинституционализма и неофункционализма становится стратегия региональных элит, направленная на расширение своих полномочий. Реализация данной стратегии связана с регионализацией или процессом перераспределения полномочий на местные уровни с учетом сложившихся объективных обстоятельств. В связи с тем, что в современных условиях взаимоотношения между уровнями власти постоянно находятся в движении и предполагают поддержание баланса центристических и центробежных сил, регионализация предполагает создание новых институциональных форм и практик, позволяющих регионам развивать не только местное самоуправление, но и осуществлять общественное управление, то есть принимать участие в законотворчестве, исполни-

тельной власти, финансовом контроле и конституционной реформе. Индекс регионализма в этих условиях с позиций ценностного подхода становится показателем демократизации общества, доминирования согласитель-

ных процедур во взаимоотношениях между национальным и региональным уровнем власти. В рамках неофункционализма его важнейшим проявлением является финансовая децентрализация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко, Т. В. Возможности порівняльних досліджень регіональних політичних інститутів та процесів / Т. В. Панченко // Регіональна політика : історія, політико-правові заади, архітектура, урбаністика [зб. наук. пр.]. – Київ – Тернопіль, 2018. – Вип. III. Матеріали Третьої Міжнар. наук.-практ. конф., (Київ, 22–23 листопада 2017 р.) / Мін-во освіти і науки України, Київ. нац. ун-т будівн. і архіт-ри та ін. «Бескиди», 2017. – В 2х ч. – Ч. 1. – С. 34–38.
2. Элейзер, Д. Дж. Сравнительный федерализм / Д. Дж. Элейзер // Полис. – 1995. – № 5. – С. 106–115.
3. Regional dynamics in Central and Eastern Europe: new approaches to decentralization / Edited by F. Palermo and S. Parolari. – Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – 260 p.
4. Palermo, F. Comparative federalism: constitutional arrangements and case law / F. Palermo, K. Kossler. – Oxford ; Portland, Oregon: Hart, 2017. – 478 p.
5. Hooghe, L. Unraveling the Central State, But How? Types of Multi-Level Governance / L. Hooghe, G. Marks // American Political Science Review. – 2003. Vol. 97 (2). – PP. 233–43.
6. Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Н. А. Косолапов [и др.] ; отв. ред. М. В. Стрешнева. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – 266 с.
7. Hooghe, L. IMulti-Level Governance and European Integration / L. Hooghe, G. Marks. – Lanham, M. D.: Rowman & Littlefield, 2001. – 240 pp.
8. Ведель, Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель. – М. : Прогресс, 1973. – 512 с.
9. Разработка новых правил игры в старых условиях / под ред. В. Попа, И. Мунтяну. – Будапешт, 2001. – 822 с.
10. Kuhlmann, S. Introduction to comparative public administration: administrative systems and reforms in Europe / S. Kuhlmann, H. Wollmann. – Cheltenham : Edward Elgar, 2014. – 360 p.
11. Loughlin, J. Subnational democracy in the European Union: challenges and opportunities / J. Loughlin, E. Aja, U. Bullman, Fr. Hendriks, A. Lidstrom. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 436 p.
12. The Oxford handbook on local and regional democracy / Edited by J. Loughlin, Fr. Hendriks and A. Lidstrom. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 812 p.
13. Lijphart, A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries / A. Lijphart. – New Haven, Conn. : Yale University Press, 2012. – 348 p.
14. Lane, J. Politics and society in Western Europe / J.-E. Lane, S. O. Ersson. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1999. – 400 p.
15. Woldendorp, J. Party government in 48 democracies (1945–1998): Composition – Duration – Personnel / J. Woldendorp, H. Keman. J. Budge. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. – 580 p.

REFERENCES

1. Panchenko, T. V. Mozhyvosti porivnyalnykh doslidzen regionalnykh politychnykh institutiv ta procesiv / T. V. Panchenko // Regionalna polityka : istoriya, polityko-pravovi zaadi, arkhitektura, urbanistyka [zb. nauk. pr.]. – Kyiv – Ternopil, 2018. – Vyp. III. Materialy Tretyoy Mizhnar. nauk.-prakt. konf. (Kyiv, 22–23 listopada 2017 r.) / Min-vo osvity i nauky Ukrainy, Kyiv. nats. un-t budivn. i arkhit-ry ta in. “Beskydy”, 2017. – V 2-kh ch. – Ch. 1. – S. 34–38.
2. Eleyzer, D. Dzh. Sravnitelnyy federalizm / D. Dzh. Eleyzer // Polis. – 1995. – № 5. – S. 106–115.
3. Regional dynamics in Central and Eastern Europe: new approaches to decentralization / Edited by F. Palermo and S. Parolari. – Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – 260 p.
4. Palermo, F. Comparative federalism: constitutional arrangements and case law / F. Palermo, K. Kossler. – Oxford ; Portland, Oregon: Hart, 2017. – 478 p.
5. Hooghe, L. Unraveling the Central State, But How? Types of Multi-Level Governance / L. Hooghe, G. Marks // American Political Science Review. – 2003. Vol. 97 (2). – P. 233–43.
6. Transnatsionalnoye politicheskoye prostranstvo: novyye realnosti mezhdunarodnogo razvitiya / N. A. Kosolapov [i dr.] ; otv. red. M. V. Strezhnyova. – M. : IMEMO RAN, 2010. – 266 s.
7. Hooghe, L. IMulti-Level Governance and European Integration / L. Hooghe, G. Marks. – Lanham, M. D.: Rowman & Littlefield, 2001. – 240 p.
8. Vedel, Zh. Administrativnoye pravo Frantsii / Zh. Vedel. – M. : Progress, 1973. – 512 s.
9. Razrabotka novykh pravil igry v starykh usloviyakh / pod red. V. Popa, I. Muntyanu. – Budapesht, 2001. – 822 s.
10. Kuhlmann, S. Introduction to comparative public administration: administrative systems and reforms in Europe / S. Kuhlmann, H. Wollmann. – Cheltenham : Edward Elgar, 2014. – 360 p.
11. Loughlin, J. Subnational democracy in the European Union: challenges and opportunities / J. Loughlin, E. Aja, U. Bullman, Fr. Hendriks, A. Lidstrom. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 436 p.
12. The Oxford handbook on local and regional democracy / Edited by J. Loughlin, Fr. Hendriks and A. Lidstrom. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 812 p.
13. Lijphart, A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries / A. Lijphart. – New Haven, Conn. : Yale University Press, 2012. – 348 p.
14. Lane, J. Politics and society in Western Europe / J.-E. Lane, S. O. Ersson. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1999. – 400 p.
15. Woldendorp, J. Party government in 48 democracies (1945–1998): Composition – Duration – Personnel / J. Woldendorp, H. Keman. J. Budge. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. – 580 p.

16. *Hooghe, L.* Multi-level governance and European integration / L. Hooghe, G. Marks. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – 252 p.
17. *Schneider, A.* Decentralisation: conceptualisation and measurement/ A. Schneider // Studies in comparative international development. – 2003. – Vol. 38. – PP. 32–56.
18. *Treisman, D.* The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization. – N.Y.: Cambridge University Press, 2001. – 348 p.
19. *Arzaghi, M.* Why countries are fiscally decentralizing / Mohammed Arzaghi, Vernon Henderson // Journal of public economics. – 2005. – 89 (7). – PP. 1157–1189.
20. The rise of regional authority: a comparative study of 42 democracies (1950-2006) / L. Hooghe, G. Marks, A. H. Schakel. – London: Routledge, 2010. – 224 p.
21. *Oates, W. E.* An Essay on Fiscal Federalism / W. E. Oates // Journal of Economic Literature. – 1999. – Vol. 37 (3). – P. 1120–1149.
16. *Hooghe, L.* Multi-level governance and European integration / L. Hooghe, G. Marks. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – 252 p.
17. *Schneider, A.* Decentralisation: conceptualisation and measurement/ A. Schneider // Studies in comparative international development. – 2003. – Vol. 38. – P. 32–56.
18. *Treisman, D.* The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization. – N.Y. : Cambridge University Press, 2001. – 348 p.
19. *Arzaghi, M.* Why countries are fiscally decentralizing / Mohammed Arzaghi, Vernon Henderson // Journal of public economics. – 2005. – 89 (7). – P. 1157–1189.
20. *Hooghe, L.* The rise of regional authority: a comparative study of 42 democracies (1950-2006) / L. Hooghe, G. Marks, A. H. Schakel. – London: Routledge, 2010. – 224 p.
21. *Oates, W. E.* An Essay on Fiscal Federalism / W. E. Oates // Journal of Economic Literature. – 1999. – Vol. 37 (3). – P. 1120–1149.

РЕПОЗИТОРІЙ ВДПУ